

Николай Митрохин

Edward Cohn. The High Title of a Communist: Postwar Party Discipline and the Values of the Soviet Regime. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2015. 260 pp. ISBN 978-0-8758-0489-7.

Николай Митрохин – исследователь в Университете Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия), ассоциированный сотрудник Центра восточноевропейских исследований (Research Centre for East-European studies) в Университете Бремена (Германия). Адрес для переписки: Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen, Klagenfurter Straße 8, 28359 Bremen, Germany. mitrokhin@uni-bremen.de.

В современном российском обществе период оттепели принято воспринимать как период отхода от «догматизма» и репрессий сталинского времени, а стало быть – как начало ухода от идеи построения коммунистического общества как такового. Между тем часть академических ученых, начиная, вероятно, с Олега Хархордина (2002), уже давно рассматривают оттепель с иных позиций.

По их мнению, в середине 1950-х – начале 1960-х годов в СССР произошел своеобразный перезапуск советского политического проекта. Процессы ухода от массовых репрессий и политической либерализации позволили оживить и модернизировать некоторые сферы общественной, политической и экономической жизни. Например, это коснулось системы образования, науки, медиа и искусства, произошла последовательная дерегуляция системы управления экономикой (сокращение количества министерств и их функций, создание совнархозов и разделение партийного аппарата на промышленный и сельский).

Политические и экономические реформы столь же сильно «перепахали» и другие сферы. Например, в оттепель были полностью разрушены артельные формы хозяйствования (что в значительной мере повлияло на возникновение в 1970–1980-е годы «цеховиков» и формированию «теневой экономики»), горожане лишились возможности содержать домашний скот, крестьяне потеряли большую часть земельных участков, а многие были принудительно переселены в рамках кампании по укрупнению колхозов и совхозов. Было закрыто порядка 40% храмов и приходов различных религиозных организаций, а сотни (если не тысячи) представителей активной части духовенства и мирян оказались в лагерях. Незаконными методами в 1959–1962 годах проводилась мощная кампания против преступности, в ходе которой ставка во многом делалась на физическое уничтожение рецидивистов, brutальные атаки комсомольских активистов против «хулиганов» и активную борьбу с определенными типами преступлений (например, с «тунеядством» или незаконными валютными операциями).

Одним из ключевых аспектов «перезапуска» было идейное и моральное обновление общества в духе коммунистической доктрины. На смену устаревшим и надоевшим штампам сталинского времени – тому самому «догматизму» – шла иная,

модернизированная «коммунистическая» идеология, рядящаяся в более современные и легкие для восприятия формы. Она эксплуатировала революционный пафос «преобразования природы» и борьбы с «отдельными недостатками» – будь то хулиганы на танцплощадках или устаревшие, немодные и полуграмотные сталинисты. Она легче воспринималась различными группами общества, а потому могла «зажечь сердца» большего количества людей, особенно молодежи, несмотря на свой ригоризм и пуризм. Советское руководство беспокоил сохранявшийся и в четвертое десятилетие советской власти разрыв между партийными и комсомольскими активистами и основной массой населения (см., например: Силина 2004; Edele 2002; Jones 2006; Tromly 2013; Tsipursky 2016). Население слабо воспринимало официально пропагандируемую идеологическую доктрину, не желало читать газет и слушать засылаемых в рабочие коллективы пропагандистов, агитаторов и лекторов, отказывалось расставаться с религиозными убеждениями, вступать в комсомол и партию, а нередко не желало даже отдавать детей в пионеры. Лозунг, сформулированный поэтом Евгением Евтушенко, – «Уберите Ленина с денег!» – был кратким и радикальным изложением этой философии. На место устаревшего и пугающего Иосифа Сталина, чей культ поддерживала лишь часть представителей среднего поколения (прежде всего члены партии и фронтовики), должны были прийти вполне возможно беспартийные морализаторы с культом Владимира Ленина в сердце (Jones 2013). Коммунистом, пусть и в душе, должен был стать каждый советский гражданин, а не члены партии и комсомола, как раньше. На воспитание граждан и были направлены усилия значительной части кумиров поколения, а потому большую часть проявлений оттепельной культуры и социальных инициатив стоит воспринимать именно в этом ключе. Тем не менее саму партию отодвигать на второй план никто не собирался. Наоборот, ее члены должны были значительно обновить свою репутацию и служить ориентиром в моральном плане для всех подстегиваемых пропагандой неопитов. Однако мало кто в советском руководстве верил, что таковыми они станут сами по себе. Посему неподалеку от того места, где были рассыпаны пряники, должны были быть подвешены и кнуты.

Книга Эдварда Кона посвящена одному такому средству поддержания дисциплины и идеологического дискурса – процессу исключения из партии. Кон рассматривает его как важную составляющую идеологического преобразования общества, позволяющую оценить, какие моральные требования предъявлялись к членам партии, какие воспитательные стратегии при этом использовались и как они менялись на протяжении пятнадцати послевоенных лет.

Свое исследование Кон начинает с малопримечательного XVIII съезда ВКП(б), состоявшегося в 1939 году. На нем были приняты решения, определившие новые способы поддержания партийной дисциплины. Ранее контроль над моральными качествами и идеологическими взглядами членов партии осуществлялся в первую очередь в ходе регулярно осуществлявшихся чисток. В некоторые годы в ходе этих чисток исключали до 21% членов партии. Прекращение Большого террора привело к формализации и профессионализации этой практики. С 1939 года и до конца существования СССР исключение из партии стало проводиться на индивидуальной основе, хотя здесь стоит иметь в виду, что каждый исключаемый мог

стать жертвой идеологической кампании или чистки какого-то конкретного учреждения. Вторым важным решением XVIII съезда стало уравнивание срока кандидатского стажа и системы рекомендаций для представителей различных социальных групп, вступавших в партию. Это решение являлось запоздалым отражением процесса ликвидации режима «классовой диктатуры», существовавшей в СССР до 1936 года. Оно шире открывало «ворота» для вступления в партию различных категорий служащих.

Данный процесс в течение десятилетия привел к неоднозначной тенденции. С одной стороны, ранее официально дискриминируемые служащие (от офицеров до научных работников и бухгалтеров) получили более широкие возможности для того, чтобы стать членами партии. Это значило, что они могли открыто конкурировать в борьбе за престижные рабочие места с представлявшими ранее «интересы гегемона» полуграмотными выходцами из рабоче-крестьянской среды, обладавшими партийными билетами. С другой стороны, оказалось, что и уклониться от членства в партии (численность которой стремительно росла начиная с 1943 года) для людей, находящихся на «ответственной» должности, стало невозможно.

Если еще в период Второй мировой войны беспартийность начальника цеха, офицера в средних чинах или профессора считалась нормой, то за послевоенное десятилетие это стало уходящей натурой. А значит, партийные органы получили новый и мощный рычаг поддержания дисциплины и морали. Поскольку с члена партии спрос был в разы выше, да и сам он, помимо профессионализма, должен был демонстрировать соответствующие ожиданиям партийной организации идеологические и моральные качества, то прежние апелляции, например, к соблюдению трудового законодательства или неподсудности своих действий по действующему Уголовному кодексу, уже не работали. Знаменитый метод принуждения, когда в случае отказа от устного распоряжения секретаря парткома или провала порученного дела можно было «положить партбилет на стол», означал, помимо исключения из партии, и практически автоматическое увольнение провинившегося руководством учреждения или предприятия с престижной работы. Таким образом, ставки в игре партийного аппарата и человека, желающего работать на сколько-нибудь престижной и хорошо оплачиваемой позиции, существенно выросли.

Пересказать все важные аспекты книги Кона в одной рецензии просто невозможно. Она в частности крайне полезна с точки зрения прояснения «организационных» аспектов работы партийной машины. Так, представляется весьма полезным описание системы партийных наказаний, их значения для карьеры и реальной практики их применения (с. 30–37). Об этом много известно, например, из мемуарной литературы, однако систематическое изложение этой системы мне встречается впервые. Мне остается упомянуть об основных темах, затронутых автором в исследовании.

Вторая глава книги (с. 54–80) посвящена такому малоизвестному в современной России сюжету, как послевоенные чистки среди членов партии, оказавшихся на оккупированной территории. Согласно партийной статистике, за трусость, малодушие и прочие «грехи» периода оккупации в 1943–1953 годах было исключено из партии 150 тысяч человек, или 3,8% от всего довоенного состава.

Огромное количество людей было исключено просто за факт уничтожения в период оккупации партийного билета или за то, что эвакуировались сами или увезли свою семью без приказа. Понятно, что партийные органы хотели видеть каждого члена партии, оказавшегося в оккупации, бойцом партизанского отряда или подпольщиком и не слишком вникали в обстоятельства того, почему этого не произошло, хотя в оккупации и оказалось порядка 40% населения страны. Автор книги тут делает интересный экскурс в историю послевоенных чисток в различных европейских странах и доказывает, что советский масштаб подобных репрессий не имел аналогов.

Четвертая глава рассматривает проблему «коррупции» и административных ошибок в советском управленческом аппарате как причину исключения из партии. Тут автор фактически признает невозможность реальной оценки этих явлений с помощью имеющейся партийной статистики, поскольку квалификация преступлений не была связана с их реальной тяжестью и сопутствующими обстоятельствами. Особенно это касалось сталинского периода, когда после указа 1947 года, известного как «указ о колосках», было резко ужесточено законодательство, введены длительные сроки за «хищение государственного имущества» (за хищение «в составе группы» срок заключения составлял 25 лет). Это привело к массовым арестам обычных граждан (включая рядовых коммунистов), которые пытались прокормить свои семьи, украв мешок зерна из колхозного амбара. В то же время очевидные преступления малых и средних начальников чаще рассматривались как «злоупотребления служебным положением», что вело к исключению из партии, но предусматривало куда более мягкие наказания в случае суда. Впрочем, непонятно, как с современной точки зрения судить об этих «злоупотреблениях»? В каких случаях это были административные ошибки, нередкие в любой хозяйственной деятельности, в каких – попытки выкрутиться, чтобы не навредить своим же сотрудникам из-за ограничений, наложенных жестокими и бессмысленными инструкциями, а в каких – сознательная и масштабная работа на свой карман, в том числе банальное взяточничество? В конкретных делах исследователь найдет примеры на любой вкус.

Тем не менее подобные дела еще раз подтверждают масштабы низовой коррупции в позднесталинском обществе. Взятки брали судьи и милиция, в теневой экономике участвовал кто угодно, включая железнодорожников. Особенно занятен сюжет, связанный с деяниями заместителя директора вагона-ресторана, который был исключен из партии в 1947 году за то, что привез в пустом вагоне на государственный мясокомбинат трех купленных где-то коров, сосисками из которых он далее и торговал с пользой для своего кармана (с. 126). Разумеется, о схожем случае русскоязычный читатель знает из фильма «Место встречи изменить нельзя», но любопытно, когда вымысел находит аналогию в архивных документах. Еще более массовый характер «коррупция» приобретала, когда государство в очередной раз хотело ограбить население. Денежная реформа 1947 года, которая фактически означала изъятие у населения всех денежных накоплений свыше 600 рублей (60 рублей – по курсу 1985 года), или средней зарплаты горожанина, привела к массовой коррупции низового чиновничества, имевшего возможность

загодя узнать о кампании из специально разосланных инструкций. Однако всех «паршивых овец» в стаде (сотрудников МГБ, районных финансовых и партийных работников) легко ловили на примитивных операциях вроде оформления дополнительных банковских счетов на родственников в дни, оставшиеся до начала реформы (с. 127–129). Впрочем, привлечь к суду многих из них было трудно. В провинции, особенно в аграрных регионах и на «национальных окраинах», райкомы нередко вставали горой за коммунистов, которых стремилась осудить прокуратура. Масштабы преступления при этом не имели особенного значения, на что прокуроры «с мест» часто жаловались московскому начальству. Эпический, но, к сожалению, лишь кратко описанный автором случай, произошел в городе Кунцево (теперь – район Москвы). Там городское руководство и директор фабрики на средства Министерства машиностроения под видом домов для рабочих построили при участии рабочих же индивидуальные дома для самих себя. Несмотря на то, что дело расследовалось всемогущей Комиссией партийного контроля, для виновных, вернувших после начала дела дома в индивидуальный жилищный фонд, все закончилось всего лишь партийными выговорами (с. 130–135).

Тематический анализ исключений позволяет автору (и читателям) обнаружить множество важных сюжетов, которые в русскоязычной литературе проговаривались крайне скупо (насколько это известно автору настоящей рецензии). Например, в пятой главе, посвященной контролю государства за поведением коммуниста в семье, рассматривается вопрос о том, какие последствия имел сталинский указ от 1944 года об «усилении охраны материнства и детства» для перестройки советского социума. Прежнее безразличие к семейным проблемам коммунистов (да и остальных граждан страны) сменилось навязчивой заботой и морализаторством. Мужчин не только начали принуждать платить алименты ранее с легкостью оставляемым женам. Предметом внимания партийных комитетов стала их личная жизнь: сколько и как часто они женились, не являются ли двоеженцами, есть ли внебрачные связи и т. п. В государственную доктрину это вновь попытался превратить Никита Хрущев, при котором борьба за моральную чистоту достигла (пусть во многом и номинально) настолько серьезных масштабов, что в 1961 году вызвала появление «Морального кодекса строителя коммунизма».

Впрочем, у этой доктрины, говорит автор, был и другой важный эффект. Начиная с 1944 года государство, решив контролировать частную жизнь, тем самым допустило право на ее существование. То есть сначала коммунистов (а также всех остальных граждан) обязали быть не только передовиками и агитаторами, но и хорошими членами семьи, правильно воспитывать детей. Это было важной частью хрущевской политики в области морали, которая отзывалась таким образом на острые проблемы с молодежью. В 1950-е хулиганство, пьянство и изнасилования в молодежной среде приняли чудовищные масштабы. Памятником этих явлений стали «У нас была великая эпоха» и «Подросток Савенко» Эдуарда Лимонова (1992а, 1992б), а также академическая работа Владимира Козлова о массовых беспорядках (1999).

Затем, по мере углубления хрущевского морализаторства, цель создания и сохранения правильной семьи де-факто стали вытеснять идеологические задачи

(с. 148–153). Это был тот самый сдвиг нарратива правильной советскости, который в первые десятилетия существования СССР ставил обучение и следование доктринальному марксизму-ленинизму первоочередной задачей, а «семейные ценности» если не ниспровергал, но не брал во внимание. Алексей Юрчак ([2006] 2014) относит сдвиг этого нарратива к 1970-м (и возлагает заслугу за его появление на общество), хотя на практике он произошел десятилетием раньше и реальной его причиной были действия власти.

Карательный же эффект от вмешательства в семейные дела был делом неочевидным. Почти четверть из всех исключаемых из партии после 1953 года были наказаны за беспорядок «на семейном фронте» (избиения жен и внебрачное сожителство, плохое воспитание детей). Это в процентном отношении было вдвое больше, чем при Сталине. Однако число подобных случаев было достаточно стабильным и в ту и в другую эпоху – около 8 тысяч в год (с. 163). На практике в большинстве случаев, по всей видимости, товарищи по партии предпочитали входить в обстоятельства семейной жизни, искать оправдания коллегам и ограничиваться «выговорами» даже тогда, когда вина была достаточно очевидна и серьезна. К этому их подталкивала и противоречивая политика партийного руководства, которое одновременно требовало и строгого наказания, и воспитания провинившихся, не давая четких инструкций о том, как поступать в конкретных ситуациях. Обоснованию подобной нелогичности автор посвящает немало страниц. Иначе как еще объяснить зарубежной аудитории реалии советской действительности, тем более противоречивые требования Никиты Хрущева?

Вместе с тем выбранные автором для рассмотрения группы кейсов – дела в отношении работников крупных промышленных предприятий в Молотове (современной Перми) и Калининe (Твери) – не дают возможности оценить долгосрочный эффект подобной кампании в отношении формирования новой деловой этики в советской элите. Согласно исследованиям автора этой рецензии, данная кампания в значительной степени ограничила возможности карьерного роста и особенно партийной карьеры для чиновничества, женившегося второй раз или рискнувшего «засветить» свои внебрачные связи или иные формы аморального поведения в семье.

Последняя, шестая, глава книги посвящена борьбе с пьянством среди коммунистов. Оно было причиной исключения примерно 10 тысяч человек в год. Говоря о пьянстве, Эдвард Кон справедливо обращает внимание на абсурдную по сути ситуацию, когда, с одной стороны, власть поощряла рост продаж алкоголя (производство алкоголя на этиловом спирте выросло в 1950–1965 годах втрое, пива – вдвое (с. 171)), с другой стороны, требовала от членов партии умеренности в употреблении спиртного. Да и насколько вообще можно было остановить социальными санкциями такую болезнь, как алкоголизм? Тем более в рамках эпизодических кампаний (например, той, что прошла весной 1958 года (с. 188–189))? А тем более – в отсутствие реально работающих методик лечения?

Многие партийные чиновники на региональном уровне рационально оценивали пьянство как социальную проблему, которая не имела очевидного решения в силу неготовности государства отказаться от доходов, получаемых от продажи ал-

коголя и роста производства спиртных напитков в конкурентной борьбе с нелегальными производителями («самогонщиками»). Противоречия между установками руководства партии и реальным жизненным опытом, а также «русской традицией потребления алкоголя» опять же во многом сводили реальную борьбу на нет, а в список исключенных из партии попадали окончательно спившиеся или совершившие из ряда вон выходящий поступок люди, которых товарищам по производству было уже не жалко.

В целом книга Эдварда Кона – крайне полезная и очевидным образом нуждающаяся в издании на русском языке, однако не лишенная и недостатков. Автор в большинстве случаев не умеет ярко подать имеющийся материал, отчего его тон довольно зануден. Особенно это касается четвертой и пятой глав. Мало внимания уделено сложным многоуровневым интригам, которые выстраивались вокруг самого факта рассмотрения персонального дела, и стратегиям, которые предпринимали акторы, чтобы возбудить или нивелировать подобное рассмотрение. Для этого нужны подробные свидетельства не только из архивных материалов, но и сделанные на дистанции от самого процесса рассмотрения партийного дела – журналистские расследования (тех же аджубеевских «Известий»), мемуарные материалы или хотя бы советские художественные фильмы.

Тем не менее автор, похоже, тщательно избегает расширения круга источников. Традиционно плохо для англоязычной литературы используются работы российских коллег. Например, не учитываются исследования Александра Коновалова (2006), Рудольфа Пихоя (1998), Андрея Сушкова (2009), классическая работа Михаила Восленского (1991) и даже многочисленные труды Олега Хлевнюка (см., например: Хлевнюк 2010), прямо связанные с рассматриваемой темой. Практически не упоминаются русскоязычные научные журналы (за исключением «Свободной мысли»), в том числе те, которые посвящены рассматриваемым проблемам или связанной с ними тематике («Вопросы истории», «Новое литературное обозрение», «Отечественная история», многочисленные (еженедельные) публикации Евгения Жирнова в журнале «Коммерсант-Власть»). Игнорируются материалы, опубликованные в изданных в России сборниках документов из партийных архивов (в первую очередь – издательства РОССПЭН), все тома серии конференций «История сталинизма» и т. п.

Подобное игнорирование не кажется случайностью. Эдвард Кон как социальный историк де-факто игнорирует в своей книге политическую, культурную и в значительной мере экономическую историю СССР этого периода. Он пользуется преимущественно историями «простых коммунистов» с нескольких крупных промышленных предприятий. Между тем без описания наиболее значимых подвижек в политической системе, без представления о знаковых событиях, в том числе крупных политических процессах в партийных и государственных судах, невозможно уверенно говорить о массовых практиках, тем более если судить о них в значительной степени по статистике.

Как были связаны антисемитские кампании – не только при Сталине, но и при Хрущеве (прежде всего – экономические) – с процессами исключения из партии? Увеличивалось ли число исключенных евреев и насколько сильно? Где конкретно

эти показатели были высоки? Как повлияло дело высокопоставленных партийных пропагандистов Александрова – Еголина – Кружкова, организовавших «коллективный гарем из молодых актрис» (Жирнов 2005а, 2005б) на формирование моралистической повестки хрущевского правления и практики исключения из партии за преступления на сексуальной почве? В какой степени на решениях об исключениях из партии отразилась борьба кланов в процессе создания совнархозов и перераспределения власти между промышленными и сельскими обкомами партии? Действительно ли исключения из партии за участие в сталинских преступлениях играли такую малозначимую роль в партийной жизни, какую в соответствии со статистикой описывает автор, посвящая этому эпизоду четыре страницы (с. 89–94), или же они обладали бóльшим нормотворческим эффектом? Как работали «закрытые письма» ЦК КПСС, передававшие партийным организациям на местах инструкции о новых целях для чисток? Адекватны ли процессы, проходящие на крупных промышленных предприятиях в больших русских городах (Молотове и Калининне), которые служили моделью для исследования, случаям в национальных республиках или даже в русском селе где-нибудь в Сибири или на Дальнем Востоке? А если взять не легкодоступные в архивах протоколы заседаний по разбору личных дел рабочих и строителей, а малодоступные материалы персональных дел в МИДе, КГБ или аппарате Совета министров – будут ли они отличаться от дел с участием «обычных» партийцев или нет?

Подобных вопросов к книге Эдварда Кона много, что еще раз доказывает тот факт, что ограничивание самого себя отдельной отраслью исторического знания или работой с однородной группой источников отнюдь не позволяет исчерпать тему. Однако в любом случае нам стоит быть благодарными автору за проделанную им большую и очень полезную работу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Восленский, Михаил. 1991. *Номенклатура*. М.: МП «Октябрь», «Советская Россия».
- Жирнов, Евгений. 2005а. «Коллективный гарем из молодых актрис». *Коммерсантъ-власть*, №46, с. 74–79. Просмотрено 11 апреля 2018 г. (<https://www.kommersant.ru/doc/628010>).
- Жирнов, Евгений. 2005б. «Разврат, пьянка, совращение девушек». *Коммерсантъ-власть*, №47, с. 68–75. Просмотрено 11 апреля 2018 г. (<https://www.kommersant.ru/doc/630490>).
- Козлов, Владимир. 1999. *Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев*. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Коновалов, Александр. 2006. *Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991)*. Кемерово: Кузбассвуиздат.
- Лимонов, Эдуард. 1992а. *Подросток Савенко*. М.: Глагол.
- Лимонов, Эдуард. 1992б. *У нас была великая эпоха*. М.: Глагол.
- Пихоя, Рудольф. 1998. *Советский Союз: история власти. 1945–1991*. М.: Издательство РАГС.
- Силина, Лада. 2004. *Настроения советского студенчества*. М.: Русский мир.
- Сушков, Андрей. 2009. *Президиум ЦК КПСС в 1957–1964 гг.: личности и власть*. Екатеринбург: Учреждение Российской академии образования «Уральское отделение».
- Хархордин, Олег. 2002. *Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Хлевнюк, Олег. 2010. *Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры*. М.: РОССПЭН.
- Юрчак, Алексей. [2006] 2014. *Это было навсегда, пока не кончилось*. М.: Новое литературное обозрение.

- Edele, Mark. 2002. "Strange Young Men in Stalin's Moscow: The Birth and Life of the Stiliagi, 1945–1953." *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 50(1):37–61.
- Jones, Polly, ed. 2006. *The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era*. London: Routledge.
- Jones, Polly, 2013. *Myth, Memory, Trauma: Rethinking the Stalinist Past in the Soviet Union, 1953–1970*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Tromly, Benjamin, 2014. *Making the Soviet Intelligentsia: Universities and Intellectual Life under Stalin and Khrushchev*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tsipursky, Gleb. 2016. *Socialist Fun: Youth, Consumption, and State-Sponsored Popular Culture in the Soviet Union, 1945–1970*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.